

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

**Л. М. Дробижева,
С. В. Рыжова**

Российская идентичность и межэтническая толерантность

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Ros_ident.pdf

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Раздел 5.

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Интеграционные тенденции в поликультурном, социально дифференцированном обществе являются важным показателем социального благополучия и эффективности модернизационного развития. Одним из необходимых индикаторов таких тенденций является динамика и соотношение идентичностей, прежде всего гражданской, этнической, региональной и уровень толерантности, взаимопонимания и адаптации взаимодействующих этнокультурных и социальных групп. При этом важнейшим предметом анализа является гражданская идентичность в сопоставлении с этнической и региональной идентичностью.

Актуальность такого ракурса исследования связана прежде всего с историческим и этнодемографическим контекстом переживаемого Россией периода. Еще 10–15 лет назад идентичность наших сограждан характеризовалась как кризисная. Образ страны, с которой люди себя идентифицировали, потерял четкие очертания не только с точки зрения территориальных рамок, но и представлений об объединяющих смыслах, ценностях, структурах власти и социальных отношений. Все было в состоянии изменений. В 2000-е годы ситуация изменилась, но степень и характер изменений в стране в целом в конкретных локальностях требует изучения и аналитической оценки с точки зрения формирования идентичностей в позитивном или контрпродуктивном плане.

1. НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО И ПОНИМАНИЕ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Начало XXI века стало временем активного нациестроительства. Достаточно очевидно это проявилось в выступлениях первых лиц страны. В публичном пространстве и прежде всего в президентских выступлениях понятие нации стало употребляться не в этнокультурном значении, а в смысле государственной общности — политической нации. В таком значении понятие нации и производное от него определение «национальный» (доход, интересы и т.д.) в Посланиях Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию в 2000 г. употреблялось 10 раз, в 2007 — 18 раз¹. В Послании Президента РФ Д.А. Медведева 2008 г. 6 раз употреблялось само понятие нации в значении государственной общности. Оно находит выражение в дискурсе

¹ Подсчеты с помощью поисковой функции в программе Microsoft Word — Ctrl+F.

через такие определения, как «российская нация», «граждане России», «мы как нация», «мы народ России», «единый народ России»¹.

На встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений 5 февраля 2004 г. В.В. Путин заявил: «Сегодня мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации. Есть, на мой взгляд, нечто такое, что нас объединяет... Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя действительно единым народом»².

В публичном пространстве обсуждалось выступление одного из идеологов президентского окружения — В. Суркова — перед слушателями Центра партийной учебы и подготовке кадров «Единой России» 7 февраля 2006 г., где он говорил: «России не хватает национальной идеологии и элиты, которая бы разделяла эту идеологию ... Мы — нация, привыкшая к государственности... Государство — это способ самоорганизации общества»³. Конструкт раскрывался образом общества, «при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими»⁴. Политическая элита понимает, что идет информационная «борьба за умы». «Вопросы самообразования, вопросы терминов, вопросы производства образов — это признак действующей нации». Нужно самим производить «образы и смыслы» и «... у нас должна быть своя версия политического языка. Иначе мы обречены на то, как говорится, «кто не говорит, тот слушает». А тот, кто слушает, тот слушается»⁵.

Практически впервые за постсоветский период власть рационализировала нациестроительство, определяет силы, на которые должна опереться, чтобы «создать образ будущего России и начать осознанно и целенаправленно создавать будущее». Это — «национальная буржуазия, военные, средний класс и их духовные и политические представители»⁶.

Но, как хорошо известно и социологам, и политологам, для того, чтобы довести идеи, смыслы до массового восприятия, надо распространять их,

¹ Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 8 июля 2000г.; Путин В.В. Выступления на встрече с представителями общественности по проблематике Северо-Кавказского региона. 8 ноября 2000 г. Ростов-на-Дону // http://www.kremlin.ru/appears/2000/11/08/0000type63378_284244.shtml

² // http://www.kremlin.ru/appears/2004/02/05/2116_type63374type63378_60337.shtml

³ Сурков В. Суверенитет — это политический синоним конкурентоспособности // <http://www.edinros.ru/news.html?id=111148>

⁴ Сурков В. Национализация будущего. [Параграфы про суверенную демократию] // <http://www.edinros.ru/news.html?id=116746>

⁵ Сурков В. Концепция суверенной демократии апеллирует к достоинству российской нации. Выступление на круглом столе «Суверенное государство в условиях глобализации: демократия и национальная идентичность» // <http://www.edinros.ru/news.html?id=115114>

⁶ Либерально-консервативное видение будущего России // Независимая газета. 18 ноября 2005 г.

учитывая «здравый смысл», то есть через такие образы, высказывания, которые могут быть поддержаны теми, на кого они рассчитаны, создавая впечатление, будто они и сами так думают¹. И надо сказать, что и Президент РФ, и его ближайшее окружение не только учитывали это в высказываниях, но и предпринимали очевидные усилия для формирования образа России, идентичности россиян через эффективные каналы (СМИ, образование и др.). Реализация этих усилий была различной. Сама постановка проблемы российской идентичности, настоящего и будущего нации актуальна и находила освещение и в прессе, и на научных форумах². И там, и там высказывались и здравые оценки, но были и очевидные переборы.

В этой ситуации важно проанализировать состояние и динамику массового сознания. Ведь идентичность политической нации может быть как нормальной, позитивной, так и гиперболизированной, болезненной. Об этом, в связи с рассуждением о национализме, писал Майкл Линд. О наложении этнической и гражданской модели национализма и даже возможности со временем изменения их значения на примере Франции и Германии писал в 90-е гг. и Р. Брубейкер³.

В России о новом российском проекте — российской нации — и, соответственно, российской идентичности, впервые были высказаны идеи в начале 1990-х В.А. Тишковым. В связи с особенностями исторической ситуации в 1990–2000-е гг. фокусы в изучении российской идентичности, естественно, менялись. До конца 1990-х гг. в центре внимания было утверждение российской идентичности в сопоставлении с этнической идентичностью⁴. Для одних она тогда была «удобным убежищем», где тебя понимают, для других — символом этнонационального возрождения, но в целом она оказывалась более значимой или сопоставимой по значимости с государственной идентичностью. Сама же государственная идентичность изучалась с точки зрения проявлений кризисных явлений⁵.

¹ Павловский Г. Обсуждение выступления В. Суркова перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров «Единой России»//Эксперт. 2006. № 9. С. 74.

² См., например, обсуждение выступления В. Суркова на круглом столе «Суверенное государство в условиях глобализации: демократия и национальная идентичность»//<http://www.edinros.ru/news.html?id=115122>; Дубин Б.В. Конструкция власти и репродукция власти: механизмы забывания и повторения; Зудин А.Ю. Традиционализация и укоренение политических инноваций: к постановке проблемы//Пути России: преемственность и прерывистость общественного развития. М., 2007; Зверева Г.И. Повторение пройденного? Специфика дискурса политической власти в современной России// Пути России: преемственность и прерывистость общественного развития. М., 2007.

³ Lind M. In Defense of Liberal Nationalism//Foreign Affairs.1994. Vol. 73. N 3. P. 87; Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany. Cambridge, Mass. 1992. P. 9–11.

⁴ Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 90-х гг. / отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 1994.; Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской федерации 90-х гг., М., 1996.

⁵ Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 г. М., 2004.

Состояние социальных идентификаций, в том числе гражданской и этнической, у российских жителей в сопоставлении с польскими изучалось В.А. Ядовым и Е.Н. Даниловой в 1998 и 2002 гг.¹ Ими была выработана формулировка «мы-идентификаций», включающая «мы — граждане России», которая в дальнейшем использовалась исследователями².

В 1998, 2004 и 2007 гг. на основе общероссийских опросов были проведены исследования М.К. Горшковым, В.В. Петуховым, Н.Е. Тихоновой³.

В 2008 г. исследование российской нации с использованием социологических методов в ряде районов осуществил Институт этнологии и антропологии РАН под руководством В.А. Тишкова. Примечательно заключение В.А. Тишкова, который акцентирует: «Мы делаем фундаментальный вывод, что поддержка и укрепление региональных и этнических сообществ россиян есть одно из важнейших условий формирования российского народа — исторической и социально-политической общности, которая представляет собой «единство в многообразии». И далее: «Среди множества идей и проектов по поводу того, что есть Россия, наиболее актуальной и адекватной является стратегия утверждения российской идентичности среди граждан страны, прежде всего, *в форме воспитания патриотизма, обретения знания о стране, ее истории и культуре* (выделено нами). В этом и состоит исходная предпосылка формирования российской нации»⁴.

Если для М.К. Горшкова распространение идентификации с гражданами России — свидетельство «*возможности в обозримой перспективе формирования в России гражданской нации*»⁵, то для В.А. Тишкова «Процесс формирования гражданской нации достаточно давно и успешно идет в России, а в каком-то смысле или в какие-то событийные моменты следует говорить о российской нации как о *свершившемся факте* общественного сознания»⁶.

Причина разных оценок в том, что исследователи, работающие в разных дисциплинах, да и в целом в социально-гуманитарных науках, вкладывают разные смыслы в одни и те же понятия. В исследованиях Горшкова, Петухова, Тихоновой идентичность понимается не только в смысле отождествления,

¹ Данилова Е.Н. Через призму социальных идентификаций. // Россия реформирующаяся. Ежегодник 2004. / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2005.

² Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформаций / Отв. ред. Дробижева Л.М. и Головаха Е.И. Киев, 2007.; Социальная сфера общества. Сегодня, завтра, послезавтра // Информационно-аналитический бюллетень ИС РАН. Вып. 1. 2008.

³ Российская идентичность в условиях трансформаций / Отв. ред. Горшков М.К. и Тихонова Н.Е. М., 2005.

⁴ Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / Отв. ред. В.А. Тишков. М., 2008. С. 3–4.

⁵ Российская идентичность в социологическом измерении. М., 2007/Репринт (Институт социологии РАН).

⁶ Российская нация.... С. 4.

но и представлений о себе, т.е. не только «кто мы», но и «какие мы». И тогда данные, которыми они располагают, ведут их к выводу о формирующейся гражданской нации. Но если под российской идентичностью иметь в виду патриотизм и знания о стране (см. вышеприведенную выдержку из статьи В.А. Тишкова), то тогда можно сделать другие выводы. Следовательно, важно дать представление о смысле изучаемого понятия.

Авторы данного раздела исходят из того, что понятие российской идентичности может иметь разное значение в понимании людей. В силу сложившихся исторических традиций в России это может быть и государственное, и гражданское самосознание. В США, Франции скорее всего это равнозначные понятия, хотя в каких-то случаях они и различаются (например, когда человек представляет себя, выезжая из страны). В России же представление о гражданском сообществе как политической нации только формируется, и чаще люди, отвечая на вопрос о гражданстве, гражданской идентичности, имеют в виду именно принадлежность к государству.

Государственная идентичность формируется значительно проще. Волей лидера, политической элитой через средства образования и СМИ государственные символы и знаки оформляются, распространяются и закрепляются в официальных документах, воздействуя на общественное сознание.

Намного сложнее с формированием гражданского самосознания, чувством общности с гражданами, солидарности вокруг ответственности за свою судьбу и жизнь окружающих. Различение государственного самосознания, идентичности (иногда его называют государственным) и гражданского только начинается¹. Сложность состоит в том, что в консолидирующих факторах и государственной и гражданской общности много общего. В повседневном, массовом сознании государство далеко не всегда воспринимается только как властные учреждения по управлению, силовые структуры, обеспечивающие правопорядок, защиту границ, но и как страна, образ которой формируется в семье, школе, в кругу неформального общения, СМИ. Как показали исследования, в частности, глубинные интервью, проводившиеся авторами в Оренбургской, Магаданской области, Татарстане, Саха (Якутии), Сочи факторами консолидации со своей страной респонденты обычно называют «родную землю, природу», «язык», доминирующий для всех жителей, «общие обычаи», «культуру», «общее в историческом прошлом».

Изучение на репрезентативных выборках, например, в исследовании 2007 г. в Саха (Якутии)² тоже фиксировали такие консолидирующие при-

¹ Дробужева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В.С. Магун. М., 2006.

² Исследование проводилось Центром исследования межнациональных отношений ИС РАН совместно с сектором социальной мобильности (рук. М.Ф.Черныш) и исследователями из республики — А.Д. Бравиним и Э.Я. Яковлевой.

знаки более чем у четверти русских и якутов. При этом доминирующим консолидатором является представление о том, что люди живут в едином государстве (60–70%). Таким образом, и сама государственная идентичность — сложный конструкт, включающий представление о стране. И именно эти представления более всего пересекаются при идентификации людей с гражданами России, ибо и общее историческое прошлое и культурное достояние — консолидирующие факторы гражданской идентичности. Однако гражданская идентичность включает и отличающие именно ее характеристики.

В кросскультурных сравнительных международных исследованиях гражданская идентичность, самосознание измеряется принятием респондентами позиции ответственности за судьбу граждан страны, готовностью действовать во имя их интересов, доверием к окружающим, участием в политических акциях (выборах и т.п.), чувством солидарности.

Естественно, между государственной и гражданской идентичностью нет непроходимой стены, но там, где есть возможность, авторы раздела считают целесообразным выделить понятие **государственно-гражданская** или **национально-гражданская идентичность**, *которое включает не только лояльность государству, но и отождествление с гражданами страны, представления об этом сообществе, солидарность, ответственность за судьбу страны и чувства, переживаемые людьми (гордость, обиды, разочарования, пессимизм или энтузиазм)*. Так же, как и в республиканской, локальной, этнической идентичности здесь присутствуют когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы — готовность к действию во имя этих представлений и переживаний.

Российская идентичность может быть понята и как национально-гражданская, и как государственная. Но если ее понимать как национально-гражданскую, то стратегия утверждения ее «прежде всего в форме воспитания патриотизма, обретения знаний о стране, ее истории и культуре» (В.А. Тишков, 2006) очевидно недостаточна. Актуальной является для такой идентичности прежде всего ответственность за судьбу граждан страны, готовность действовать во имя их интересов, доверие к окружающим, гражданская солидарность. Все эти свойства находятся в стадии формирования. Некоторые из них, судя по результатам опросов (ответственность за судьбу страны, например), многие люди уже приняли. По данным Европейского социального исследования 2007 г. от 30 до 50% опрошенных называют это свойство обязательным. Другие качества, такие как доверие к окружающим, участие в политических акциях для наших граждан пока чаще перспектива, чем реальность. Поэтому авторы раздела готовы больше солидаризироваться с выводами М.К. Горшкова, В.В. Петухова, Н.Е. Тихоновой, тем более, что они опираются на анализ широкого набора социально-политических характеристик российского населения.

Политические, социально-культурные, экономические изменения в обществе находят отражение в государственно-гражданской идентичности, поэтому по изменениям в идентичности судят о направлениях в развитии общества, но и сама идентичность, ее характер, масштабность, интенсивность способствует ориентации и мобилизации людей, становится социальным ресурсом в общественном развитии. Именно с этих точек зрения следует рассмотреть идентичность россиян как ресурс государства и общества, отражение процессов интеграции в обществе и в то же время как некий барометр их изменений.

2. ГОСУДАРСТВЕННО-ГРАЖДАНСКАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Государственно-гражданская идентичность редко рассматривается в соотношении с такими групповыми идентичностями, как социальные и даже поколенческие, и намного чаще сравнивается с региональными и этническими, так как имплицитно предполагается, что именно они способны «противостоять», подпитывать сепаратизм территорий. Поэтому именно на соотношение государственно-гражданской идентичности с последними обращается особое внимание.

Этническая идентичность, так же как государственная, понимается авторами широко, не только как самоотождествление, но и представление о своем народе, его языке, культуре, территории, интересах, а также эмоциональное отношение к ним, и при определенных условиях готовность действовать во имя этих представлений. В условиях глобализации этническую идентичность чаще интерпретируют как проявление традиционализма, а гражданскую — современности.

Проблема формирования интегрирующей национально-гражданской идентичности, способной консолидировать поликультурное население нашей страны, остается актуальной на протяжении всего периода развития и становления отечественной государственности. В советский период такой интегрирующей идентичностью была идентичность «советского человека», позволяющая людям ощущать себя гражданами нового государства независимо от социального статуса и этнокультурного происхождения. В постсоветский период, на волне острых общественных трансформаций и определенной социальной аномии, интегрирующую функцию стала выполнять этническая идентичность, предоставив человеку символическое убежище в пространстве этнокультурных мифов и этнокультурной преемственности.

В современной ситуации, в условиях политической стабильности и носительской социально-экономической безопасности, важно поддержание и укрепление новой национально-гражданской идентичности, отвечающей современным перспективам развития российской государственности.

Содержательно российская идентичность подразумевает общую лояльность населения государству, которая достигается через оформление отношений прав и обязательств между властью и гражданином и эмоциональную привязанность к стране¹, включает в себя отождествление (идентификацию) с гражданами страны², подкрепленную политической и общественной самоорганизацией³. Ч. Тэйлор убедительно обосновывает тезис, что современное демократическое государство требует очень сильной коллективной идентичности от своих граждан, потому что участие народа «как совещательного единства» в политическом управлении требует сильной национально-гражданской интеграции и солидарности⁴.

Российская идентичность как формирующаяся национально-гражданская идентичность россиян имеет два источника развития. Российская *государственная идентичность* проявляет себя через осознание общности в пределах всего государства. Государственная идентичность легче формируется, потому что она имеет наглядные символы солидаризации, и достижения России на международной арене могут служить мощным фактором ее укрепления.

Российская *гражданская идентичность* складывается через осознание себя в категориях гражданских групп, относительно независимых от государства, но пользующихся его поддержкой и защитой закона. Подобная идентичность формируется труднее и медленнее, для ее реализации необходимы усилия самих акторов, членов общества. Она предполагает развитие правосознания как систему «оценочных отношений к праву и практике его реализации, правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих поведение»⁵, формирование ответственности за состояние страны. Эту двойственность российской идентичности хорошо озвучил В.В. Путин, неоднократно указывая на то, что Россия должна стать сильным государством, которое, в свою очередь, должно служить людям. Эти слова отражают специфику нынешнего развития России — поддержка демократических ценностей «сверху», через укоренение в России институтов гражданского общества и стимулирование становления государственно-гражданской российской идентичности.

С другой стороны, в условиях российской многокультурности в процессах формирования гражданского общества, гражданской солидарности

¹ См. *Тишков В.А.* Забыть о нации (Постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9.

² См. *Дробижеева Л.М., Головаха Е.* Предисловие // Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации / Под ред. Л. Дробижеевой и Е. Головахи. Киев, 2007. С. 12.

³ См. От этнической нации к политической — возможно ли это в России? // Вестник Института Кеннана в России. Выпуск 13. 2008. С. 82. Выступление Э. Паина.

⁴ См. *Тэйлор Ч.* Демократическое исключение (и лекарство от него?) // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002. С. 18.

⁵ Общая теория государства и права. Академический курс. Том 3. С. 441.

и российской идентичности нельзя не учитывать также значимость этнического фактора. Президент Д. Медведев в Послании Федеральному Собранию от 5 ноября 2008 г.¹ отмечал, что поддержка национальных (этнических) традиций и культур народов России является условием укрепления федеративных основ государства и условием гражданского согласия и *единства* российской нации. Государственная поддержка культур означает, что этнический фактор не исчезнет из общественного дискурса и из жизни людей, так как этническая идентичность формируется в первую очередь этнокультурными практиками социализации и поддерживается этническими категориями и ценностями.

Изменение современной концепции государственной национальной политики РФ от патернализма в сторону использования принципов мультикультурных ориентаций² свидетельствует, что этничность остается значимым феноменом повседневности, самовоспроизводящимся феноменом культурной отличительности, существующим, согласно Ф. Барту³, в пределах и на границах этнических общностей, формой социальной организации культурных различий. Этому способствуют обширные практики «реанимации» и поддержания культурной отличительности в пределах глобальных мировых тенденций, а также процессы государственного строительства в бывших союзных республиках.

Интеграция российской нации и формирование российской идентичности происходит на базе гражданской культуры, которая формируется и поддерживается репрезентативной (по Л. Ионину) универсальной культурой на основе разделяемых всеми членами общества идей, убеждений, ценностей. Однако современная российская гражданская культура в силу исторических причин сформирована на основе русского *этнокультурного* компонента, так как строится на русскоязычном базисе и репрезентирует элементы русской *православной* культуры — в частности, в виде государственных праздников 7 января (Рождество) и 4 ноября (День народного единства и одновременно праздник Казанской иконы Божьей Матери). Безусловно, идея православности исторически связывается с российской идентичностью через патриотический дискурс, однако нельзя забывать, что Россия — страна многонациональная (или поликультурная) и российская идентичность как национально-*гражданская* не может быть сформирована с доминированием одной (пусть и самой многочисленной и статусной) этнической группы. Недостаточная репрезентация в общероссийском гражданском пространстве этнокультурного компонента

¹ <http://www.kremlin.ru/transcripts/1968>

² См. Дробужева Л.М. Этнические аспекты изучения социальной дифференциации // Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М., 2002. С. 9.

³ См. Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organizations of Culture Difference / Ed. by F. Barth. Oslo: Universitetsforlaget, 1969. Reprint 1982. P. 30.

традиционных, автохтонных для России народов («национальных меньшинств») в определенных социально-политических условиях может стать почвой для формирования межэтнической интолерантности российских народов. Поэтому важно, чтобы сплочение российской нации происходило на базе гражданской культуры, интегрирующей в себе не только русскоязычный культурный базис, но и элементы этнических культур народов России.

По данным социологических исследований, общероссийская идентичность находится в процессе формирования, ее значимость для населения растет, но ее «вес» в веере других идентичностей (социальной, поколенческой) — не первостепенный. В целом для российского населения более значимы такие типы идентичности, как осознание себя, в первую очередь в категориях принадлежности к определенному поколению, профессии, до недавнего времени — к жителям своего города, села или области, самоопределение в категориях этнической принадлежности. В целом, по данным ISSP (International Social Survey Programme), в России 65% граждан разделяли представление о себе как о россиянах, но лишь пятая часть (21,6%) *часто* ощущали близость, единство со всеми гражданами России («иногда» это единство чувствовали уже значительно больше — 42,5%) (см. рис. 1).

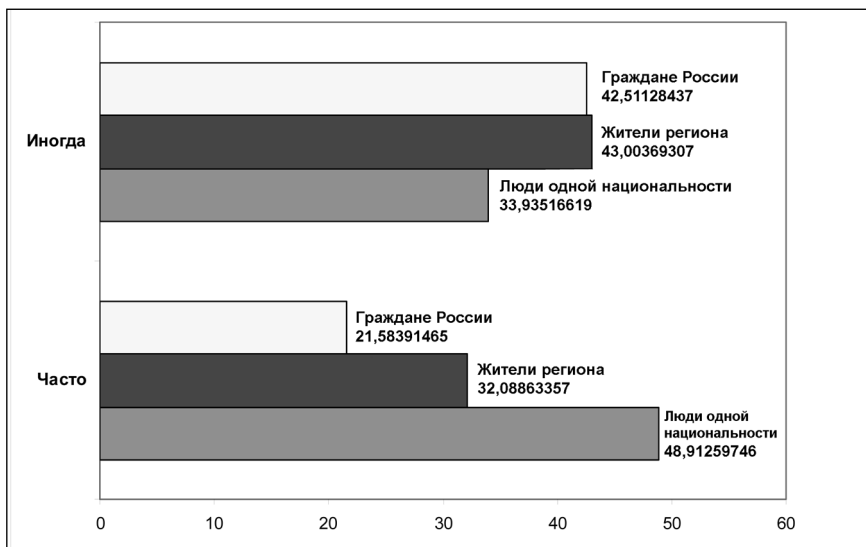

Рисунок 1. Российская, региональная и этническая идентичность¹

По уровню ощущения связанности со страной Россия была ближе к таким странам как Германия, Латвия.

¹ Источник: Европейское социальное исследование (ISSP)

И *далее* от таких стран как Франция, Япония, США, где ощущение сильной связанности было на уровне 80 % и выше.

С начала постсоветского развития РФ — 90-х гг. прошлого века, — с утратой советской макро-идентичности, российская идентичность неуклонно росла. Если в 1992 г. в Москве не более четверти ощущали себя россиянами¹, то во второй половине первого десятилетия 2000-х гг. уже 53% москвичей «часто» ощущали себя гражданами России².

Эмпирические исследования дают основание считать, что сегодня действенным стимулом для формирования общероссийской идентичности и солидарности являются благоприятные социально-экономические факторы и стабильные жизненные перспективы. Данные исследования в Москве (в период, еще не затронутый кризисом) показали, что удовлетворенность жизнью, в формирование которой существенный вклад вносит возможность самореализации на хорошо оплачиваемой работе, является значимым фактором для формирования общероссийского сознания и солидарности. Среди удовлетворенных жизнью москвичей более значима идентичность «мы — россияне», менее значима идентичность «мы — люди одной национальности» и несколько меньше доля гражданских скептиков — тех, кто не верит в возможность диалога и сотрудничества населения и власти³. Москва — благополучный в социально-экономическом отношении регион, город, где можно реализовать себя и добиться успеха, поэтому здесь зависимость актуализации российской идентичности от социально-экономического благополучия проявляется наиболее выпукло. Однако важным представляется факт, что эта тенденция свойственна не только Москве и москвичам.

Масштабные исследования в российских регионах, охватывающие население от Калининградской области до Приморья, включая такие регионы как Воронежская, Свердловская и Томская области⁴, также обнаруживают зависимость процессов формирования современной российской идентичности от факторов социально-экономического самочувствия и удовлетворенности трудом.

При оценке социально-экономического самочувствия населения важно понимать, как люди сами оценивают свой материальный статус, какие расходы для них допустимы и возможны. Разработка материалов, полу-

¹ Исследование Отдела этносоциологии Института этнологии и антропологии РАН осуществлено в 2006 г. Руководитель исследования Ю.В. Арутюнян.

² По данным «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» (РМЭЗ). Проводится международным консорциумом организаций при участии Института социологии РАН с 1994 г. Рук. с российской стороны Козырева П.М., Косолапов М.С. Исследование 2006 г.

³ РМЭЗ 2006 г.

⁴ См. Рыжова С.В. Современная московская идентичность — опыт социологического исследования // «Социологические исследования». № 8, 2008.

ченных по указанным российским регионам, показывает, что при практически равной доле богатых людей — тех, кто либо вовсе не испытывает материальных затруднений (0,5–1,7%) или сталкивается с ними лишь при желании купить недвижимость (от 1 до 8,8% по регионам), доля бедных, т.е. тех, кто тратит на питание практически все свои доходы или кому денег не хватает даже на питание, достаточно велика и широко варьирует по регионам — от 25,5% в Калининградской и до 41,3% в Воронежской области. При этом именно в Воронежской области среди бедных слоев населения заметно падает значимость российской идентичности (выбор позиции «в значительной степени ощущаю близость с гражданами России») — от 54,4% в среднем по региону до 47,3% в группе бедных.

Исследования социальной структуры этих регионов обращают внимание на «отставание» Воронежской области от более благополучных областей: в сравнении с Калининградской, Саратовской, Свердловской, Томской областями и Приморьем здесь ниже доля среднего класса и ниже доля среднего слоя¹. Эта тенденция связывается с тем, что данный регион, в силу значительного присутствия оборонных предприятий, не прошедших фазу модернизации и стагнирующего сельскохозяйственного производства, не имеет возможности экономически развиваться наравне с более благополучными регионами, поэтому здесь не только наиболее низкие стандарты жизни, но и наибольшее число гражданских скептиков — тех, кто отказывает гражданским организациям в положительном влиянии на общество².

Еще один показатель, влияющий на процессы актуализации российской идентичности — это удовлетворенность трудом. Исследования показывают, что значимость российской идентичности возрастает до 70% в группах людей, «в полной мере» удовлетворенных своим трудом, и снижается до 60,6% в группах, не удовлетворенных трудом (при средних значениях по массиву в 61,4%)³.

Для оценки интеграционного потенциала российской идентичности важно понимать тенденции ее формирования в соотношении с этнической идентичностью. Если в начале 90-х гг. повсеместно преобладала этническая идентичность, то с началом 2000-х гг. российская идентичность стала набирать вес. Для русских, живущих в регионах с преобладающим русским населением, с началом периода политической и социально-экономической стабилизации российская идентичность стала более значимой, чем этническая (см. табл. 1).

¹ См. Социальная сфера общества сегодня, завтра, послезавтра. Взгляд из центра и регионов России. Информационно-аналитический бюллетень ИС РАН. Выпуск 1. 2008. С. 13.

² Там же. С. 13, 35.

³ См. данные исследовательского проекта «Будущее России: социальная сфера»...

Таблица 1. Значимость российской и этнической идентичности среди русских в регионах (в % к числу опрошенных)¹

	Калининград	Воронеж	Саратов	Екатеринбург	Томск	Приморье
Актуализированная российская идентичность (в значительной степени ощущают близость с гражданами России)	58,5	55,2	66,9	68,2	73,6	58,1
Актуализированная этническая идентичность (в значительной степени ощущают близость с людьми своей национальности)	34,8	40,0	40,0	51,9	37,9	30,2

Во всех представленных регионах преобладает русское население, и здесь значимость российской идентичности выше этнической. Но для многих автохтонных российских народов пока этническая идентичность преобладает над российской. Так, по данным исследования в республике Бурятия, российская идентичность бурят находится на уровне показателей, полученных в Калининграде, Воронеже и Приморье (55,6% бурят «в значительной степени» ощущают себя россиянами), в то время как их этническая идентичность актуализирована значительно сильнее — уже 70,6% бурят «в значительной степени» чувствуют близость с людьми своей национальности.

Как показывают исследования, значимость российской идентичности повышается в регионах с тревожным социальным фоном. Исследования, проведенные в Сочи в 2008 г.², продемонстрировали, что 83,8% населения этого региона выбирают позицию «часто ощущаю близость со всеми гражданами России», что отражает высокий уровень тревожности населения, спровоцированный близостью к латентно конфликтующим и нестабильным регионам Кавказа.

Между процессами формирования новой российской идентичности и продолжающей оставаться актуальной этнической идентичностью, безусловно, существует определенная взаимосвязь. Развитие общегосударственной российской идентичности на базе интегрирующих ценностей (история страны, русскоязычная культура, экономические достижения) не противоречит этнической идентичности и служит опорой для социально-политической интеграции страны³. Вопрос заключается в том, может ли сегодня этниче-

¹ Источник: Данные исследовательского проекта «Будущее России: социальная сфера».

² Исследование Отдела этнической социологии ИС РАН по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН № 21 «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям». Подпрограмма «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе».

³ См. Дробижева Л.М. Противоречит ли этническая идентичность общероссийской? // Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М., 2002. С. 460.

ская идентичность стать фактором развития российской? При определенных условиях такое возможно, если этническая идентичность развивается в толерантном пространстве и не претендует на идеологический статус. Безусловно, этническая идентичность большинства страны и российских меньшинств с неизбежностью будет вовлечена в процессы современного нациестроительства. Актуализированная этническая идентичность обладает мотивирующей и мобилизующей силой, поэтому в формировании российской макро-идентичности можно использовать потенциал чувств, представлений и установок, развивающихся в русле толерантного вектора этнической идентичности.

Тенденция взаимной зависимости этнической и российской идентичности обнаружилась среди русских в республиках еще в 1990-х гг. В пользу этого говорило то, что у русских (в республиках Татарстан и Саха (Якутия)) *этническая солидарность* (согласие с позицией «современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальной группы») была сопряжена с усилением доверия российской власти¹. Весь период 90-х гг. российская компонента идентичности русских в этих республиках колебалась вместе с колебаниями доверия центральной власти. Кризис доверия и критическое снижение российской компоненты идентичности русских пришлось на конец 90-х гг. Характерно также, что у русских в этих республиках представления об общем историческом прошлом входят в четверку лидирующих признаков этнической идентификации («язык», «культура», «родная земля, природа», «историческое прошлое»).

Исследования в Саха (Якутии) показали, что у русских в этой республике, в период с 2002 г.² по 2007 г.³ (с началом политической и социально-экономической стабилизации) существенно — с 72% до 57,3% снизились значения актуализированной этнической идентичности и одновременно выросли показатели актуализированной российской идентичности — с 49,8% в 2002 г. до 82,6% в 2007 г.

О том, что у русских в процессах становления их российской идентичности участвует этническая идентичность, свидетельствует и другая тенденция, проявившаяся в исследовании в Саха (Якутии) в 2007 г. При ответе на вопрос «Что роднит Вас с людьми Вашей национальности?» саха (якуты) и русские очень близки в своих оценках. В обеих группах наиболее важными критериями построения этнической идентичности оказываются «язык» (первое место рангового ряда), и «родная земля, природа» (второе место у саха и третье

¹ См. Рыжова С.В. Некоторые аспекты национального самосознания русских в республиках Российской Федерации (по материалам эмпирического исследования) // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. М., 1995.

² Исследовательский проект «Этничность и доверие в российском обществе» (рук. Д. Барри-Бартлет).

³ Опрос в Якутии по Программе «Социальные и национальные отношения в Республике Саха (Якутия); 2007. Руководители исследования Бравин А.Д., Яковлева Э.Я.

у русских). Различие между саха (якутами) и русскими обнаружилось в том, что для русских на втором месте оказалось «единое государство» как символ национальной (этнической) идентификации, а для саха таким символом является «культура». При выборе самого важного из названных качеств русские отдали предпочтение «единому государству», а саха самым важным признаком этнической общности назвали «язык» и «родную землю, природу», что свидетельствует о том, что для этнической идентичности саха более значим фактор *экологического единства*, а для русских — *государственного*.

3. РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ УСТАНОВОК

Рост российской идентичности русских и падение значимости этнической идентичности сопровождается со стороны последних формированием толерантных установок: с 1997 по 2007 г. среди русских в Саха (Якутии) снизилась поддержка лозунга «Россия для русских» (с 22,5% до 12,7%) и улучшилась оценка межнациональных отношений. Подавляющая часть русских якутян — 81% не поддерживает лозунг «Россия для русских» именно в силу его межэтнической разрушительности, справедливо полагая, что этот лозунг «разрушает мир и взаимопонимание между народами» (59,4%), «унижает другие коренные национальности России» (53,9%), «с таким лозунгом можно прийти к фашизму» (24,3%) и «он вредит интересам России в мире» (21,2%).

Толерантность в своем социальном качестве представляет собой основу успешной коммуникации¹. В межэтнических отношениях толерантность выступает как взаимодействие на основе согласия², готовность иметь дело с представителем любого народа, несмотря на этнические и религиозные различия. Для поддержания межэтнической толерантности в многокультурном российском социуме необходимо позитивное развитие этнической идентичности (благоприятное отношение к собственной и другим этническим группам), отсутствие враждебности в отношении инонационального окружения, благожелательное (или просто нейтральное) восприятие межкультурных различий. Социально-психологические условия развития такого вектора этнической идентичности складываются из чувств безопасности, относительного комфорта, отсутствия стресса.

Согласно принципам толерантности, предложенным ЮНЕСКО, толерантность есть «гармония в различии», имеющая моральное, политическое и правовое измерение, поведение, основанное на уважении к культурному

¹ См. Декларация принципов терпимости. Утверждена резолюцией 5.61 Генеральной Конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 // www.unesco.ru; *Хомяков М.Б.* Методология понимания термина толерантность // *Социология межэтнической толерантности*. М., 2003. С. 27–29.

² См. *Дробужева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003. С. 305.

плюрализму¹. Исследования, осуществленные в Татарстане и Саха-Якутии в 1990–2000-х гг.², показывают, что в республиках поддерживается высокая межэтническая толерантность и взаимная социально-культурная (понимаемая в универсалистском социологическом смысле³) адаптация русских и титульных национальностей. Даже в период активных процессов суверенизации 90-х гг. наблюдалась согласованность основных жизненных ценностей русских и титульных национальностей, схожесть иерархической структуры авто- и гетеростереотипа, догоняющие показатели в религиозности русских и формирование общего ядра гражданских ценностей — защита гражданских прав и свобод, наведение порядка и контроль за ресурсами республик. Маркерами, поддерживающими линию культурной (понимаемой в антропологическом, этнорелятивистском смысле⁴) границы, являются язык, традиционная культура и сфера родственных и социальных связей, а также субъективная значимость этнической идентичности и категориальная этническая солидарность, которые имели больший вес в среде титульных этнических групп.

Этничность вовлечена в процессы становления российской идентичности, но, естественно, уступает в значимости другим факторам, стимулирующим формирование российской идентичности. Так, например, 18,2% в Томске, 24% в Воронеже и Саратове полагают, что «очень важно» иметь ту же, что и у них, этническую принадлежность (русскую), чтобы считаться настоящим россиянином. В Калининграде и Екатеринбурге — 32,5% и 34,4% соответственно. Также и в Бурятии, где русские представлены в большинстве, этническая принадлежность как «очень важная» характеристика российскости называется среди 25,3% русских и 17,6% бурят.

Однако значительно более серьезное место в процессах построения российской идентичности занимают гражданские основания. Исследования в Калининградской, Воронежской, Саратовской, Свердловской, Томской областях и в Приморье показывают, что гражданская компонента российской идентичности проявляет себя в развитии правосознания населения — поч-

¹ См. Декларация принципов терпимости ЮНЕСКО. Утверждена резолюцией 5.61 Генеральной Конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 // www.unesco.ru; *Хомяков М.Б.* Идентичность, толерантность и идея гражданства? // *Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России.* М., 2006.

² См. Проекты: «Национализм, этническая идентичность и регулирование конфликтов в Российской Федерации» (1993–1996), «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» (1997–1998), «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации» (1999–2001). Рук. Л.М. Дробижева; Проект «Этничность и доверие в российском обществе» (2002, руководитель Д. Барри-Бартлет).

³ См. *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М., 1998. С. 19; *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М., 2000. С. 462.

⁴ См. *Арутюнов С.А.* Культура этническая // Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6. М., 1995. С. 55; *Herskovits M.* Cultural Anthropology. N.Y., 1955.; *Barth F.* Introduction // *Ethnic groups and boundaries. The social Organization of culture differences* / Ed. by F. Barth. Universitetforlaget, Oslo-Bergen-Tromso. 1969.

ти 70% опрошенных полагают, что для того, чтобы считаться настоящим россиянином, «очень важно» соблюдать законы и уважать Конституцию страны. Как наиболее важные критерии российской солидарности выступают также характеристики, о которых говорилось как о важнейших для гражданской идентичности, такие как чувство ответственности за страну (67,1%) и российское гражданство (65,5%)¹.

Очевидно, что условия, благоприятствующие формированию гражданской компоненты российской идентичности, могут оформиться лишь при условии становления в стране основ гражданского общества. Данные наших исследований показывают, что формирование установок гражданского сознания является серьезным стимулом к формированию российской идентичности. Речь идет прежде всего о формировании правовых установок. Например, по данным исследования в Москве в 2007 г.², актуализация российской идентичности связывается с установкой правового равенства в отношении мигрантов (согласие с суждением «мигранты должны пользоваться теми же правами и возможностями, что и москвичи»).

Один из важнейших элементов гражданского сознания — это убежденность (построенная как на основе собственного опыта, так и просто на надежде) в возможности сотрудничества населения и власти. Гражданское общество начинается с процессов общественной самоорганизации, а любые формы общественной самоорганизации (политическая, экономическая, социальная, культурная, благотворительная, волонтерская активность) с неизбежностью опираются на сотрудничество простых граждан и власти, когда формируется режим горизонтальных, диалоговых отношений, построенных на фундаменте закона и права.

Возможно ли сегодня в России взаимопонимание и сотрудничество между «простыми людьми» и теми, у кого много власти? В целом у российского населения преобладают на сей счет пессимистические настроения. Практически половина опрошенных россиян³ — 48,6% — полагают, что сегодня в России невозможно взаимопонимание и сотрудничество между «простыми людьми» и теми, у кого много власти. Треть опрошенных (32,6%) считают, что оно «в чем-то возможно, в чем-то нет». Оптимистически настроенных людей — тех, кто полагает, что такое взаимопонимание и сотрудничество в принципе возможно, оказалось не более 15%. Социальная база для формирования гражданского сознания в целом в России невелика, и в Москве

¹ См. данные Проекта «Будущее России: социальная сфера»...

² См. Исследование в рамках среднесрочной городской целевой Программы «Москва многонациональная: формирование атмосферы межнациональной солидарности в столичном мегаполисе (2005–2007 гг.)». Руководитель исследования Л.М. Дробжижева.

³ По данным «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» (РМЭЗ). Проводится международным консорциумом организаций при участии Института социологии РАН с 1994 г. Рук. с российской стороны Козырева П.М., Косолапов М.С. Исследование 2006 г.

она даже ниже, чем в среднем по России (считают, что такое сотрудничество невозможно, 58,1%), но возрастная социальная база для формирования новых гражданских установок в Москве уже формируется — это молодежь, те, кому сегодня от 15 до 24 лет, у кого отсутствует личный опыт жизни в авторитарном советском обществе. И подобные тенденции соответствуют общероссийским показателям. Наравне с этим и удовлетворенность жизнью можно рассматривать как социально-психологический ресурс, необходимый для формирования гражданских установок населения: среди удовлетворенных жизнью москвичей ниже доля «гражданских скептиков» — тех, кто *не верит* в возможность взаимопонимания и сотрудничества «простых людей» и власти (48,9% против 58,7% в группе не удовлетворенных жизнью). В Москве удовлетворенность жизнью складывается главным образом из удовлетворенности работой и возможностями профессионального роста, потому что хорошо оплачиваемые рабочие места — это специфический московский ресурс. Имея в виду, что и значимость российской идентичности увеличивается в группах удовлетворенных жизнью москвичей, можно с уверенностью предполагать, что справедливый доступ к ресурсам является сегодня важнейшим фактором формирования российской макро-идентичности.

Ресурсы страны могут стать интегрирующей ценностью и фактором развития российской идентичности. Об этом говорит исследование в Саха (Якутии), — республике, чрезвычайно богатой ресурсами. По данным 2007 г., оздоровление природной среды, экологическая безопасность и наведение порядка в республике поддерживаются абсолютным большинством населения (93–97%) и являются стимулом внеэтнической, гражданской солидарности. По данным исследования, в шести российских регионах (Калининградская, Воронежская, Саратовская, Свердловская, Томская области, Приморье) более половины населения этих регионов (58%) «очень гордятся» природными богатствами России (наравне с историей — 58% и литературой и искусством — 66,2%).

Рассуждая о факторах формирования российской идентичности, нельзя не упомянуть и роль дискурса в становлении этой новой макро-идентичности. Одним из важнейших стимулов ее развития являются интегрирующие ценности, сформированные общим историческим прошлым. По данным Л. Гудкова, победа в Великой Отечественной войне остается серьезным символом коллективного единства и вместе с признанием роли Сталина, Петра I, маршала Жукова поддерживает мобилизационную солидарность и авторитарные установки российской идентичности¹. Учреждение новых государственных праздников — Дня России, Дня народного единства — наполняет российскую идентичность современным содержанием. Интегрирующая российская идентичность противостоит агрессивному воздействию этнонациональной идеологии (как этнических меньшинств, так и этнического большинства

¹ См. Гудков Л. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам. <http://club.fom.ru/182/183/204/library.html?pg=1>

страны), призывающей к защите прав и интересов от лица той или иной этнической группы в ущерб другим, и апеллирующую к культурным и/или религиозным ценностям и мифам. Сегодня Россия сталкивается с новыми вызовами — притоком этнических мигрантов в крупные города и конкуренцией за высокооплачиваемые рабочие места, высоким уровнем ксенофобий и негативной этнической солидарностью¹ части русского большинства, экстремистскими молодежными движениями, эксплуатирующими все вышеперечисленные проблемы.

Данные Европейского социального исследования показывают, насколько значима толерантность в отношении «иных», «чужих» (рис. 2, 3). В сравнении с другими странами в России уровень изоляционистских установок достаточно высокий. Конечно, это связано с небывало высоким и быстрым притоком иноэтничных мигрантов (Россия по приему иммигрантов в 1990-х, начале 2000-х гг. была на третьем месте после США и Германии), с переживаемыми экономическими трудностями. Естественно, поэтому исследователи искали способы преодоления интолерантности, в том числе и через формирование гражданской идентичности.

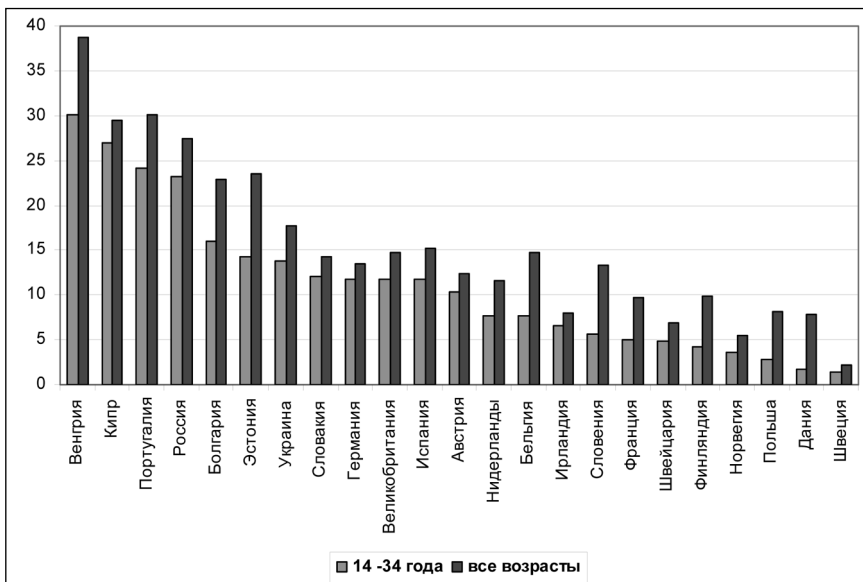

Рисунок 2. Доля противников иноэтничной миграции в России и других европейских странах².

Выбор ответа «никому не позволять приезжать в страну» среди молодежи и в среднем по массиву опрошенных, %.

¹ См. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002. М., 2004.

² Источник: Европейское социальное исследование (ISSP)

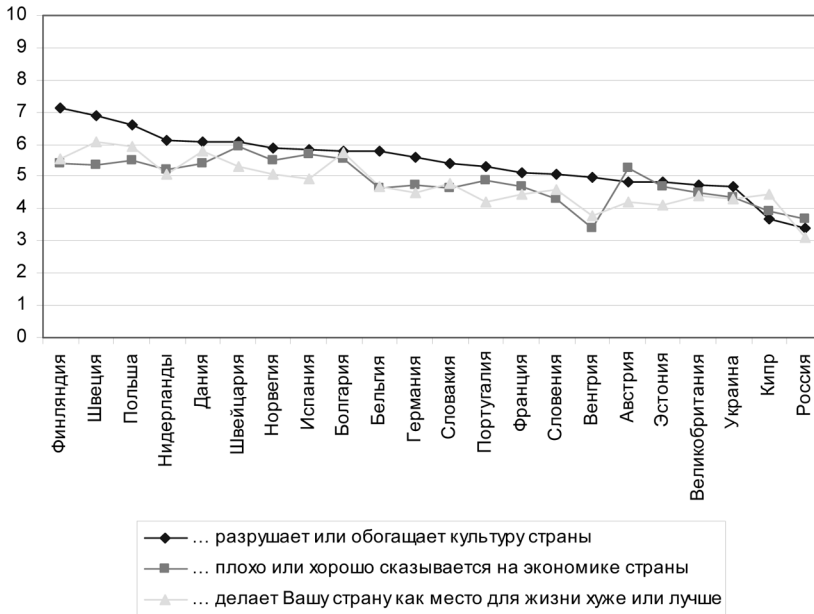

Рисунок 3. Оценка влияния иммиграции на ситуацию в России и других европейских странах¹.

Ответы на вопрос «Как влияет приток людей из других стран...».

Средние баллы по 10-балльной шкале, где 0 — отрицательное влияние, 10 — положительное.

Сегодня российская национально-гражданская идентичность призвана обеспечить ценностный консенсус гражданского самосознания и способствовать формированию норм толерантного межэтнического взаимодействия.

Универсальными факторами, влияющими на характер формирования и поддержания межэтнической толерантности в масштабах всего российского социума, остаются такие макро-социологические факторы, как доступ к ресурсам и участие во власти; социально-психологические факторы удовлетворенности жизнью (работой, профессиональными перспективами) и сопутствующая ей социально-культурная адаптация; механизмы межкультурного восприятия (от отрицания и минимизации культурных различий к их принятию, адаптации и интеграции в поликультурное пространство (М. Беннет)²). Позитивное воздействие данных факторов способствует формированию и поддержанию межэтнической толерантности.

¹ Источник: Европейское социальное исследование (ISSP)

² См. *Bennet M.A. Towards Ethnorelativism: a Developmental Model of Intercultural Sensitivity// Education for the intercultural experience. Yarmouth, 1994.*